

Данила Решетников

Я - прИступник

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
Р47

Решетников Д.

Я - прИступник / Решетников Д. — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2021. — 270 с.

ISBN 978-5-532-92901-2

Эта история — ещё одно доказательство того, как легко и просто можно исчезнуть из онлайн социальных сетей, телефонных записных книжек и памяти твоих друзей и знакомых. Как одним неосторожным движением приводят в силу механизм необратимый и грозный по своей силе. Я — это молодое амбициозное поколение, пропавшее на просторах современной тюрьмы. Мне суждено изменить ее. А ей — меня. Я — не тот, кого вы ловили. Но мне уже никогда не вернуться. Вы устроили переворот не только в пределах колоний, но и в моей душе... Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-92901-2

© Решетников Д., текст, 2020
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

1. Несладкий ноябрь	5
2. С головой в унитаз	26
3. Кто сказал, что будет легко?	53
4. Ознакомьтесь, пожалуйста	74
5. Пятиминутка	102
6. Ирония суеверия	119
7. Побеждает тот, кто умеет ждать	139
8. Наивный сибирский юноша	160
9. Сын полка	177
10. Выход только для мышонка	200
11. Ночь тревоги	219
12. Я когда-то умру, мы когда-то всегда умираем	243
13. Эпилог	269

Посвящается моей матери, которой я не смог обо всем этом рассказать...

Основано на реальных событиях

1. Несладкий ноябрь

– Ты только посмотри, сколько талантливых ребят вокруг тебя собралось! И кто их только сюда посадил?!

– Но ведь они все преступники.

– Да. Только от слова другого. От слова приступ

«Утро добрым не бывает», – так говорил один мой знакомый каждый раз, когда я желал ему именно этого. Хотя все было намного проще и прозаичнее: ложился он поздно, вставать приходилось рано, идти туда, куда совершенно идти не хотелось, и следовать правилам, подчиняться которым ему не нравилось больше всего на свете. Такое отношение к жизни в итоге породило страшный недуг в его молодом организме. И все. Дальше без хэппи-энда. К сожалению, мой рассказ начинается именно с этих строк, но не для того, чтобы показать читателю все скоротечность и хрупкость человеческой жизни, а лишь затем, что этот случай предопределил судьбу многих, кто не верил в ужасный по силе потенциал нервного колебания. «Все болезни у нас отсюда», – говорю я сейчас товарищам и тем, кто мне просто не безразличен, тыкая указательным пальцем себя в висок. «Поэтому берегите голову, ребят. Не засоряйте ее дерьмом...»

А вообще давайте вернемся к «доброму утру». Подобный термин перестал существовать для меня лет этак пять назад. Гимн России стал звучать не из старого шипящего радиоприемника моего, не менее старого, деда, а лился в отсыревшие окна ветхого жилья из красного кирпича, в котором мне приходилось коротать свои будни и выходные. Сейчас все каменщики, наверное, закрыли книгу со словами: «Ну и какой идиот это написал? Ветхое жилье из красного кирпича? Тьфу ты! Какая безграмотность!» Однако же я буду возражать. На территории исправительной колонии нашего великого и могучего сибирского региона и не такие встречаются чудеса.

Так вот. Зима. Шесть утра. До меня доносятся звуки российского гимна. Я просыпаюсь, встаю с кровати, покрываюсь гусиной кожей, иду умываться, бегло справляю нужду, трясусь, мою руки, возвра-

шаюсь обратно, заправляю свое спальное место, одеваюсь, обуваюсь, чищу ботинки и выхожу на утреннюю физическую зарядку. На плац. Стою. Слушаю дурацкую музыку. Рядом со мной больше сотни таких же больных уголовников, стремящихся освободиться пораньше из этих холодных, убогих стен. Кто-то смеется, кому-то холодно, а тот парень, что стоит со мной совсем рядом с красными, налитыми кровью глазами от недосыпа, морщился и кривился. Я смотрел на него очень долго. В этом многострадальном виде было что-то еще. Что-то, чего я так и не разглядел. И тут он сказал: «С добрым утром». Я просто кивнул в ответ, не понимая, что это значит. Вспоминал вчера, вспоминал неделю назад, месяц, год. Но не нашел ничего, чем бы это утро отличалось от остальных. Утро либо есть, либо ты благополучно его проспал. Наличие утра, как оказалось, не является залогом его доброты. А значит, я стал черствее. Или мир вокруг меня стал таким. Не знаю. Я так и не разобрался. Однако одно я усвоил со стопроцентной уверенностью – так было не всегда.

* * *

Нет в жизни ничего печальней, чем рассказать о том, что было изначально.

Еще до того, как я стал просыпаться в колонии – в окружении преступников, синяков, барыг и насильников, я проживал обычные годы беззаботного, глупого юноши.

Был универ, футбол, девушка, работа на полставки (правда недолго). Иногда попойки в ночных клубах и недорогих барах с друзьями (когда пускали), а также непреодолимое желание выглядеть не по годам презентабельно, в связи, с чем покупать кучу галстуков, бабочек, пиджаков, жилеток, брюк, туфель, сорочек, кашемировых свитеров, кардиганов, пальто – в общем, быть не только красиво одетым, но и шмотником незаурядным.

Про свою жизнь на свободе я вам больше ничего не буду рассказывать. Ведь произведение мое совсем не об этом. Расскажу только то, что на момент задержания мне было всего девятнадцать. И задержания я не ждал.

Для тех, кто впервые попадает под ответственность уголовную, задержание почти всегда становится неожиданным. И происходит оно по-разному. Кого-то крутят, роняют на асфальт мордой, скалят зубы, кричат, что есть мочи: «Лежать! Не двигаться!» Могут даже пробить по почкам. Или по печени. Во избежание любого сопротивления. К другим (особо опасным) залетают в окна, через балкон, с автоматами, в масках. Я называю этот вид задержания – кинематографическим.

Однако есть те (в основном ребята из ближнего зарубежья, предлагающие взятку в размере двух походов в «Макдональдс» рядовому русскому фараону), которых отводят в местное отделение за руку. Они шагают с лицом печальным, вроде как на корню смирившись со своей участью и лишь изредка (в основном уже на стуле с листом и ручкой), пытающихся объяснить полурусскими и полунерусскими выражениями свою большую ошибку и заканчивая словами: «Я так больше не буду».

Мое же задержание выглядело следующим образом: выходим мы, значит, с моей девушкой из подъезда, ноябрь, идет снег, темно, девять вечера, стоят три взрослых мужика возле домофона, стопорят свои взоры на мне, я торможу, меня тут же начинают крутить, заламывать руки, я понимаю, что это не розыгрыш, так как получасом ранее на телефон мой пришла смс-ка: «Дим, вынеси десять. Я буду у первого подъезда».

Что означало десять? Десять пакетиков с наркотой. Но я не барыга. Я конченный идиот. Что хуже – решайте сами. Шанс сделать свои выводы я вам с охотой предоставлю, рассказав короткую предысторию.

Два моих друга продают наркоту. Мы ровесники. Всем нам по девятнадцать. Их заработок постепенно становится все стабильней, покупаются тачки, девушки водятся в рестораны, снимаются квартиры в самом центре города – мегаполиса – в общем, с материальным положением проблем явно не ощущается.

Я, меж тем, тружусь по пять часов в сутки, работая продавцом-консультантом в одном из торговых центров возле универа, в котором прилежно учился. Хожу по залу, никому не мешаю, аккумуля-

ратно складываю футболки, которые только что развернул посетитель, разъясняя горе-покупателям, почему им нужно взять «худы» из новой коллекции, а не из старой, и тут заходят они. Друзья.

– Уважаемый, можно вас на минутку, – стебуются они надо мной, стоя у самого выхода.

Я бросаю футболку, подхожу к Тане (старший продавец), которая отбивала на кассе кому-то платье, и шепотом прошу отлучиться на пару минут.

– Блин, Дим, у нас итак нет никого, – недовольствует она, снимая магнитом клипсу. – Что у тебя такого срочного приключилось?

Я киваю в сторону пацанов.

– И что? – недоумевает она. – Ты вот только на перерыв бегал.

– Тань, ну прошу тебя. Две минуты.

– Нет.

– Таааань...

– Ой, Дим, все, – отмахнулась она. – Иди куда хочешь. Только отстань от меня.

Я улыбаюсь. Чмокаю ее в щеку со всей мальчишеской благодарностью и быстрым шагом покидаю расположение магазина. Пацаны стоят, на перила оперлись. Я подхожу.

– Круто у тебя получается, – говорит один и толкает в плечо другого. – Насчет работы не передумал?

– Да нет. Пока вроде все устраивает.

– Серьезно? И сколько платят?

– Сказали, что будет десять.

Второй смеется. Потом любопытствует:

– Десять кэсов?

Я киваю. Пацаны поджимают губы.

– Рыжий, ну ты подумай. Работа не пыльная, денег дадим.

– Да не, спасибо. Я пока так как-нибудь.

– Ну, смотри, – снова подхватывает другой. – Если что, обращайся.

Я снова киваю, разворачиваюсь и шагаю обратно к футболкам. Слышу крик:

– Я тут в «инсту» заходил! Видел ваши с Настюхой загранники! Собрались куда?

Я торможу и отвечаю в пол оборота:

– Есть такое. А что?

– Денег то хватит?

– Хватит, – глотаю я, бегло возвращаясь к рабочему «изнурительному» процессу.

Дальше все было просто. Настюхе мы покупаем новехонький телефон (на мои, честно заработанные, гроши), проходим мимо ювелирного, выбираем путевки в курортную индийскую зону на февраль месяц, да так, что последний день – 14 февраля (День Святого Валентина), я решаюсь вернуться в тот ювелирный один, купить кольцо и наметить на столь романтический день – предложение. Втихушку. Путевка же обошлась почти в семьдесят тысяч, а еще с собой прихватить что-то надо было. Большую часть средств я позаимствовал у своего дедушки и пообещал вернуть все, до копейки. В круговороте всех этих затрат, я, естественно, согласился. Нужно было просто хранить большую партию этого дерьма в своей комнате под диваном и иногда уносить курьеру. Таким образом, убили двух зайцев. И пацаны перед девками, с которыми тогда жили, были откровенно чисты, и мне пообещали дать денег, чтобы я рассчитался с дедом. Но от добра добра не ищут. Туше.

Закончилось все задержанием. Поэтому давайте вернемся к этому занимательному процессу.

Так вот. Крутят меня взрослые мужики. Спрашивают: «Где наркота?» Я говорю: «Не знаю». У самого за спиной рюкзак (на ночь глядя я собрался на фитнес). Они, естественно, в него нырк, а там ни фиги. Только форма спортивная. Ребята, конечно, в шоке. Держат в руке мои кеды, устроили перегляд. В общем, смотрят друг на друга, словно последние дураки. Один у другого: «Это точно он?» Другой ему: «Да точно, точно. Смотри в карманах».

В карманах, понятное дело, запрещенных веществ оказалось несколько больше. Сердце бьется, точно о рельс кувалда, мне становится так же страшно, как когда-то при виде деда, с дымящейся у меня в руке сигаретой. Тело прижато к двери домофонной. Настя

стоит в сторонке. Мне говорят: «Не рыпайся». Да я и не собирался. Спрашиваю: «Сколько мне светит?» Один отвечает: «Лет пять, если все будет хорошо».

Если все будет хорошо. Но произошло все иначе. Пошло по другому сценарию.

Меня потащили в подъезд. Там, на лестничной клетке, обыск велся уже под запись. Настя была внизу. Смотрела на все это растерянными глазами. В этот миг, я так напугался, что и ее захотят примотать к этой большой неизвестной ракете, но все обошлось.

– Отпустите ее, – слезно прошу я у мужиков. – Она не причем.

Двое глянули в сторону Насти. Потом один повернулся:

– Пусть идет, – произнес он тихо. – Можете попрощаться. Увидеться у вас явно теперь не скоро получится.

Эта фраза поставила меня в ступор. Я обмяк. Лицо ватное, ноги ватные, все вокруг начало расплываться. Настя поднимается по ступенькам, целует меня, вид такой, что вот-вот разрыдается. Шепчу ей: «Я позвоню». Она кивает, прикрывая ладонью губы, быстро сбегает по лестнице и уходит.

Напомню вам, что на улице идет снег. Ноябрь. Деда моего дома не было (несколькими часами ранее он уехал в городской аэропорт, чтобы проводить в теплые тайские закоулки моих крестных родителей и маленькую двоюродную сестренку).

Однако приехал дед весьма «вовремя». Стоим мы с мужиками на лестнице, все в процессе. Понятые (знакомые мои давние) оценивающе пробегают по мне глазами, качают разочарованно головами, и тут подъезд открывается. Заходит мой дед. Мы встречаемся ошалелыми взорами, он садится в лифт, уезжает, после чего один из мужиков (с запоздалой реакцией) ринулся вверх по лестнице по указу другого: «Давай за ним».

Стыдно, совестно, страшно, дерьмово, стремно. Не хватит ни времени, ни места в строке моей книги, чтобы до конца описать все чувства, которые я испытал в тот миг. В след за, кинувшимся в погоню за моим прародителем, мужиком мы довольно быстро поднялись всей этой компанией на верхнюю ступень советской панельной девятиэтажки. Деда моего заякорили у входной двери, в квар-